

Мысль о грядущем пиршестве заставляла Фань Чжоу действовать с удвоенным азартом. Вдвоём с Фэн Сюнем они трудились при свете луны до самого позднего часа и лишь под утро свалились от усталости.

Валясь с ног, Фань Чжоу даже не стал расширять подстилку свежей сухой травой — в конце концов, прошлую ночь он провёл вполне неплохо.

Сполоснувшись в ручье, он вернулся в пещеру, обернулся пушистым зверьком и, запрыгнув на изголовье, мгновенно провалился в сон.

Тонкий серебристый луч проникал сквозь проход, мягко подсвечивая кроличью тушку и окутывая её нежным мерцающим ореолом.

Вернувшись от ручья, Фэн Сюнь замер на пороге. От этого зрелища в груди у него сладко сжалось; в душе поднялось неопределённое, непривычное чувство — не то смятение, не то тихий трепет, но уж точно не досада.

Так и не сумев разобраться в собственных ощущениях, он прикрыл лаз деревянным щитом и улёгся рядом.

Ночь стояла тихая. На небо незаметно надвинулись тучи, застилая луну, и посыпалась мелкая морось. Щит не прилегал к камню плотно, так что ночной сквозняк быстро втянул в пещеру сырую прохладу. Спящий Фань Чжоу зябко ёжился от холода.

Почувствовав озноб, он бессознательно потянулся к теплу и перекатился вбок.

Стоило кролику уткнуться в голову Фэн Сюня, как тот мгновенно очнулся.

Поняв, что это прижался под бок крошечный меховой комочек, оборотень расслабился.

Впрочем, до него тут же долетел шум дождевых капель, и стало ясно, почему в пещере так похолодало. Немного подумав, Фэн Сюнь сам перекинулся в волчий облик: густая шерсть куда лучше защитит от прохлады, чем человеческий волос. Прижавшись мордой к крохотному тельцу, он снова погрузился в сон.

Очнувшись утром, Фань Чжоу обнаружил, что утопает в чём-то невероятно мягком. Раскрыв глаза, он понял, что лежит не на подстилке из сухой травы, а под укрытием пышной шкуры. Рядом никого не было — Фэн Сюнь уже поднялся. Стоило откинуть шкуру, как благодатное тепло мгновенно улетучилось, уступив место утренней свежести. Приняв человеческий облик, Фань Чжоу поднялся.

Выбравшись наружу, он увидел Фэн Сюня, возвращавшегося от ручья с двумя рыбинами в руках.

— Зарядил дождь, — окликнул его волк, — так что жарить мясо придётся прямо в пещере.

— По рукам, — кивнул Фань Чжоу.

С самого момента трансмиграции в этот мир он впервые попал под непогоду. Эх, знать бы заранее — соорудил бы навес над входом ещё вчера.

На завтрак сообразили жареную рыбу и сочное мясо большерогого зверя. Аппетит у Фэн Сюня был отменный, так что ему этой порции не хватило, и он дополнительно подрумянил над углями два увесистых куска.

Наевшись, Фань Чжоу отправился нарубить жердей. Вскоре над лазом красовался аккуратный навес, крытый плотным слоем сочной травы, способный надёжно защитить от любой мороси. Попросив Фэн Сюня заняться плетением холста из стеблей, юноша подхватил плетённый короб и направился к выходу.

Чтобы залечить повреждённую ногу волка, без Цветков Звериного Духа было не обойтись. Да и вообще, такое редкое снадобье лишним в запасе точно не окажется.

Стоя на краю скалистого уступа, Фэн Сюнь провожал взглядом фигуру юноши, пока та не скрылась в чаще. На душе у него было тяжело. Он уже знал, что в прошлые разы Фань Чжоу находил цветки Звериного Духа высоко на кручах. Каково это — эдакому хрупкому кролику карабкаться на верхотуру?

Вернувшись под навес, он принялся за работу. Нужно сплести как можно больше полотна, чтобы обменять его на свежатину. Не дело, если наработавшийся до изнеможения кролик по возвращении ещё и на охоту потащится.

Здесьняя гора заметно превосходила кручи у Долины Красной Соли, и Фань Чжоу пока не успел изучить её до конца, а потому далеко уходить не стал. Предыдущие находки Цветков Звериного Духа попадались у горных ключей, так что и теперь логичнее всего было держаться воды. Прикрывшись от капель развесистым лопухом, он побрёл вверх по течению — вдоль ручья, что питал водопад Племена Водопада.

Намокшая тропа скользила под ногами, да и скалы то и дело вставали отвесными стенами, поэтому продвигался он крайне осторожно. Лишь к полудню, когда небесная морось наконец иссякла, юноша добрался до середины подъёма.

Из-за туч проглянуло солнце, но ни чудо-цветов, ни самого истока ручья видно пока не было. Возвращаться с пустыми руками не хотелось: завтра опять придётся тратить полдня на подъём. Перекусив вяленным мясом и немного переведя дух, он упорно пошагал дальше вверх.

Лишь когда светило клонилось к закату, Фань Чжоу добрался до истока. Из-под нависшего

валуна брызгала чистая ключевая жила, а вокруг неё ютились полтора десятка побегов Цветка Звериного Духа. Впрочем, здоровыми выглядели только те стебли, что укрывались в тени скалы; остальные же, подставленные ветру и дождю, совсем поникли, а их изумрудная зелень пошла болезненными жёлтыми пятнами.

Смешанное чувство радости и досады охватило юношу: надо же, выросли у одного родника, а разница разительная! Вглядевшись в окружающую обстановку, он не стал долго гадать о причинах — сумерки сгущались быстро. Щедро полив каждый корешок водой духовного источника, он аккуратно выкопал растения и сложил их в плетёнку. Всего набралось тринадцать ростков, и девять из них находились в весьма плачевном состоянии.

Оставаться на ночёвку на круче было опасно, и Фань Чжоу торопливо устремился вниз. Спуск давался легче, однако из-за сгустившихся сумерек он несколько раз оступался и кубарем летел по камням. Спасал лишь водяной покров-щит, который он предусмотрительно набросил на себя — без этой защиты синяков и ссадин было бы не миновать.

Спустившись к подножию, он припал к воде духовного источника, чтобы вернуть силы, после чего без сил опустился на сухую траву. До родной пещеры оставалось добрых полчаса ходу. Каменный выступ скалы отрезал этот участок пути от жилища, а прямо над самой пещерой высился отвесный утёс, зайти на который по прямой было невозможно — вот и приходилось каждый раз делать внушительный крюк.

Едва он успел перевести дыхание, как из близлежащих кустов донеслось шуршание шагов. Пальцы юноши мгновенно сжались, формируя боевой водяной клинок. Но вглядевшись в сумерки, он с сомнением окликнул:

— Фэн Сюнь?..

— Ту Чжоу! — раздался радостный возглас оборотня.

— Это я. Ты чего сюда пришёл? Стой на месте, я сам подойду!

Фань Чжоу поднялся, опираясь руками о землю, однако волк и не думал останавливаться — напротив, он прибавил ходу, с тревогой выкрикивая на бегу:

— Почему так поздно?! Не ранен?

— Цел я, цел! И Цветки Звериного Духа раздобыл! — подхватив короб, поспешил поделиться вестью Фань Чжоу. — Да замри ты хоть на миг!

Но Фэн Сюнь уже выскочил из чащобы под лунный свет. На красивом лице застыло неподдельное волнение. Игнорируя просьбы остановиться, он в несколько прыжков очутился рядом.

Вцепившись юноше в плечи, волк подался вперёд и принялся, водя носом вдоль его шеи.

— Да говорю же, без единой царапины, — улыбнулся Фань Чжоу; от такой искренней заботы на душе стало тепло.

Убедившись, что запаха крови нет, Фэн Сюнь облегчённо выдохнул:

— Ты ведь всю сушенину съел? Тут Мао Юй принесла двух снежных куриц и с десяток яиц. Я запёк птиц в глине, одну сам умял, а вторую тебе оставил. Ещё десятка полтора полотён наплёл, жёрнов доделал, а под самый вечер нарезал охапку травы-нитчатки.

Столько дел переделал! Но сколько он ни трудился, кролик всё не возвращался. Тоска и тревога сжали грудь, ждать дальше сил не было — вот и подался на поиски. И как удачно встретились прямо у подножия!

— Пойдём скорее домой. Полезай на спину, поднесу.

Он ведь своими глазами видел: кролик сидел прямо на земле. Если не дошёл какую-то малость до пещеры — значит, совсем из сил выбился.

— Ну ты и мастак, столько всего успел! — похвалил Фань Чжоу, но тут же качнул головой: — Только не нужно меня нести, у тебя же левая нога не зажила.

— Тогда... обратись зверьком и залезь в короб, а я понесу короб.

— Там же цветы, подомну ещё! — Хоть кролик и был крохотным, неокрепшие побеги были куда более хрупкими.

— Тогда устраивайся у меня на голове, — порассуждав мгновение, волк указал пальцем себе на макушку.

«... Уж лучше на плече», — подумал Фань Чжоу. Какой бы дружбой они ни были связаны, взбираться человеку на голову — это уж чересчур.

Заметив его непреклонность, Фэн Сюнь со вздохом опустил на корточки и протянул широкие ладони:

— До плеча тебе не допрыгнуть, давай подсажу.

Фань Чжоу хотел было возмутиться — дескать, недооцениваешь! — но, оценив ширину волчьего плеча и свой кроличий рост, с кротостью переключился на развёрнутую ладонь. В самом деле,

прыгни он нерасчётливо — и врежется прямым в физиономию красавца. Выйдет крайне неловко.

Бережно подняв зверька к плечу, Фэн Сюнь дал ему перебраться на место.

— Держись за волосы, а то свалишься, — заботливо напутствовал оборотень.

Фань Чжоу лишь вздохнул и цепко сжал лапками прядь волос у самого уха волка. Лишь после этого Фэн Сюнь остался доволен. Подхватив за ляжку короб, он шагнул в темноту.

На опушке он подобрал брошенные копье-костыль и тяжёлую суковатую палицу — в спешке бросил всё прямо на землю.

— Нога не ноет? — вспомнив, как резво бежал волк, обеспокоенно поинтересовался пушистый пассажир.

— Не-а, я сегодня грыз твёрдые орехи.

— А я раздобыл целую кучу Цветков Звериного Духа, так что нога твоя обязательно поправится! — радовался Фань Чжоу.

— Спасибо тебе, Ту Чжоу, — глухо проговорил Фэн Сюнь.

— Ты чего такой хмурый? — Кролик слегка подёргал сжатую прядь.

— Да с чего ты взял... Рад я.

Но за этой радостью скрывался горький осадок: то давящее чувство беспомощности и страха, что охватило его при поисках. Кролик раз за разом рискует собой ради него, а он даже не знает, чем отплатить за такую доброту.

— Вот подлечу ногу — настреляю столько дичи, что до небес гора вырастет!

Фань Чжоу фыркнул от смеха:

— Зачем до небес? Главное, чтоб досыта. А сил твоих и на другое хватит — к примеру, посевы заведём.

— Посевы?... — Фэн Сюнь от изумления даже притормозил.

На Диком континенте почти никто из зверолов и понятия не имел об обработке земли. А этот кролик, оказывается, и в таком знаток! С ума сойти, сколько же всего он умеет!

— Именно. Травы и зерно вполне можно выращивать. Вот дня через два и займусь расчисткой целины.

Летом-то прокормиться нехитро, добычи в лесах в избытке, но зимой наступают лютые голодные времена. Пока стоит тепло, надо успеть снять хоть один урожай, так что терять время нельзя.

За неспешным разговором они незаметно добрались до пещеры. Силы к Фань Чжоу вернулись, и он первым делом взялся за запечённую снежную курицу. Фэн Сюнь приготовил её на славу: мясистая тушка пропеклась и была в меру просолена.

Одолев птицу, юноша почувствовал, как слипаются глаза. Превозмогая дремоту, он заставил себя подняться и высадить принесённые цветки Звериного Духа в глухом уголке пещеры — такую драгоценность пока лучше держать подальше от чужих глаз.

Поскольку Фэн Сюнь маячил неподалёку, открыто поливать Цветки духовной водой Фань Чжоу не решился. Рассудив, что сделает это ночью, он улёгся спать — и проснулся лишь тогда, когда яркое солнце зазирало прямо в пещеру. Вчерашнее восхождение вытянуло все жилы, так что он с чистой совестью позволил себе поваляться подольше.

Всю первую половину дня юноша оставался в убежище, собирая жёрнов из выточенных волком деталей. Мельничка выходила невеликая — на узком пяточке перед входом громоздкую конструкцию и не пристроишь, — однако приготовить муки на двоих вполне хватит.

Вспомнив, что сегодня собирательский отряд отправляется на заготовку метек гаоляна, Фань Чжоу предвкушающе зажмурился. Слюнки текут при одной мысли о румяных лепёшках! Схватив кусок рогожки, он торопливо сбежал вниз.

Сегодня же вечером он устроит пир и напечёт пышных гаоляновых оладий с куриными яйцами!